

К 50-летию Союза писателей России

Владимир Костров – русский поэт, бережно сохраняющий чистоту поэтической традиции, лауреат Госпремии России, вице-президент Международного Пушкинского фонда, профессор Литературного института. В одном интервью Владимир Андреевич сказал: «Нашему миру не хватает музыки и поэзии. Поэзия – это знак качества на любом виде искусств...».

В 2003 году в составе делегации московских писателей он побывал на Пушкинском празднике в селе Языково, на встрече с читателями в Карсунской библиотеке, на могиле художника А.А. Пластова в Прислонихе.

Недавно вышел сборник избранной лирики поэта «Дорога на Родину». Представляя стихи из его новой книги, передаём нашим читателям привет от Владимира Андреевича и его напутствие: «Быть вместе и стойко переносить все трудности, верить, что Россия встанет с колен».

Любить и прощать

Владимир Костров

Полон взгляд тихой боли и страха.
Что тебе я могу обещать?
На пространстве всеобщего краха
Обещаю любить и прощать.

Всей судьбою своей окаянной
Обещаю не прятать лица.
Обещаю любить постоянно,
Обещаю прощать до конца.

Ты в глазах у меня не седея,
Ты смеёшься, беду отводя,
Вся желанная, вся молодая
В тонких линзах из слёз и дождя.

Прогони эту злость и усталость.
Нас вдвоём и судьбе не избыть.
Всё пропало, а сердце осталось,
Обещая прощать и любить.

Какие мощные ветра,
Потопы и землетрясения!
Какая лютая жара!
Какие грозные знаменья!
Как будто каждый день и час,
Все исчерпав иные средства.
Всесущный призывает нас
Одуматься и оглядеться.

Не полюбить
Так горько, как бывало.
Но снова каждый миг
Неповторим.
Пора пришла.
И осень запылала.
Леса горят,
Давай и мы сгорим.
Давай взойдём и бросимся с обрыва
На острые метёлки камыша.
Горит река.
Горит на леске рыба.
Так, может быть, займётся и душа.
Огнём займётся,
Соловьём зальётся,
Зажжётся от ликующих раки.
Осенней уткой
Из осок взовьётся
И полетит.
Дымят мои туманные уголья,
Мои хоромы...
И на колосник
Просыпались весёлые уголья
Коч клюквенных
И боровых брусник.
Ах, всё пылай, что плакать не умеет,
Ах, всё иди к весёлому концу!
Давай сгорим.
И ветер нас развеет,
Как семена, как память, как пыльцу.

Морозным вздохом белого пиона
Душа уйдёт в томительный эфир...
Молитвою отца Серапиона
я был допущен
в этот горький мир.
Был храм забит –
меня крестили в бане,
от бдительного ока хороня.
Телёнок пегий тёплыми губами
в предбаннике поцеловал меня.
И стал я жить,
беспечен и доверчив,
любил, кутил и плакал наизнос.
Но треснул мир,
и обнажилась вечность.
Я вздрогнул и сказал:
«Спаси, Христос!»
«Спаси, Христос!»
Кругом одна измена,
пустых словес густые вороха.
свеченье молока и запах сена
смешались
с третьим криком петуха.
Ликует зверь...
Спаситель безутешен,
но верю, что не отвернётся Он,
всё знающий:
кто праведен, кто грешен.
Он вороньё отгонит от скворешен...
Тяжёл твой крест, отец Серапион.

Какой-то есть ещё запас
В моём обманутом народе.
Опять свиридовский романс
Звучит в подземном переходе.

Его усохший старичок
На ветхой скрипочке играет.
Как бы за печкою сверчок
Мне сладко сердце забирает.

Не обещает он конец
Моим метаниям и мукам,
Но, как за посохом слепец,
Идёт душа за этим звуком.

Угрюмо движется народ.
Среди грязищи и пылищи...
Не мы, а он нам подаёт.
Не он, а мы душою нищи.

В Карсунской районной библиотеке. Слева направо:
В.Н. Ганичев, Н.В. Нарышкин, В.А. Костров. 2003 г.
Фото Александра Палачёва

Голубем, снующим на карнизах,
В глубину, душа моя, нырни...
Видишь: церковь в белоснежных ризах
Загляделась в зеркало Нерли.
И горит, прощая и пророча,
И не повторится никогда.
Замутили слёзы ясны очи,
Белы ночи холодит вода.
И горит, как чудо откровенья,
И обводы хрупки и нежны.
Ну, какие там ещё знаменья
Вам, фомы неверные, нужны?
На разливе горя и терзаний
Что вам захотелось воскресить?
От кого вы ждёте указаний
И чего желаете вкусить?
И в каких ещё своих капризах
К новой устремились вы беде,
Если церковь в белоснежных ризах,
Как Христос, уходит по воде?

Балалаечник

Михаилу Рожкову

Что со мною ты сделал,
народный артист!
Слышишь, сердце дрожит
как осинный лист
и поёт,
как твоя балалайка.
И по стылой земле
большаком столбовым,
из ноздрей выдувая берёзовый дым,
пролетает, гремя, таратайка.
И дорога опять
далека-далека,
словно серые кони,
летят облака,
не бряцая копытами, мчатся
и, подземное слово
гоня из глубин,
Крестный ход приближается
красных рябин.
На хоругвях вышито:
«Счастье».
Это счастье –
лететь по родной стороне:
недосол – на столе!
Пересол – на спине!
И будить бубенцовую память.
Подниматься под пули,
терпеть, голодать,
стылой осени воздух хрустящий глотать
и над русской песнею плакать.
Балалайка твоя изо льда и огня,
три струны –
три натянутых в струнку коня –
я доверюсь тебе и не струшу.
Хорошо сквозь века
пролететь,
прогремять,
длинным свистом ямщицким
пространство огреть
И на памяти высветлить душу.

Фото Ольги Губовой

